

Рассказы и очерки В. публикует в ж. «Пограничник», «Славяне», «Пионер» и др. В 1952 в ж. «Новый мир» печатает очерк о жизни и творчестве Вс. Вишневского. В 1953 в Тбилиси в переводе В. выходит книга Д. Бакрадзе «Кровью героев» — записки участника партизанского соединения С. Ковпака (в 1956 — 2-е изд.).

Книга В. **«Карпатский рейд»** (1950) явилась продолжением воспоминаний «Люди с чистой совестью», затем последовали книги воспоминаний **«Рейд на Сан и Вислу»** (1959), **«Партизанские рейды»** (1962, совместно с В. А. Зеболовым). В 1958 издает книгу рассказов о войне **«Дорогой бес- смертия»**, в 1960 книгу рассказов **«Иван-герой»**. В 1962 в ж. «Нева» В. публикует посвященный Великой Отечественной войне роман **«Дом родной»**. Отклики на него появились в печати в течение четверти века.

Помимо книг воспоминаний и сюжетной прозы В. постоянно создает произведения различных жанров, например в 1961 исторический очерк **«Военное творчество народных масс»**. Выступает в прессе с отзывами на книги о Великой Отечественной войне ее участников И. Козлова, Д. Медведева, Н. Сабурова, О. Джигурды. Постоянно содействует публикации документальных произведений о войне, пишет предисл. к документальной прозе П. Дидык «В тылу врага» (выдержала не меньше 4 изд.), к роману Д. Медведева «Сильные духом» (издан в Киеве уже после смерти В. в 1978).

В. известен прежде всего как автор документально-беллетристических книг, посвященных подвигам советских партизан. Но автор поднимал также и нравственные вопросы, связанные с послевоенной жизнью. В романе «Дом родной» бывший фронтовик Петр Зуев борется с бездумными и бездушными чиновниками, утверждая права мыслящей личности.

В общественной жизни В. был созвучен своим героям. П. Воронько вспоминает: «Петр Петрович Вершигора был верным и бесстрашным другом. В первые послевоенные годы, когда многие бывшие партизаны подвергались тяжким обвинениям, а иногда и репрессиям, он делал все, что было в его силах, чтобы восстановить правду и спасти честь невиновных... Он навсегда останется в памяти народа как человек с чистой совестью» (Воронько П.— С. 288).

В память о человеке с чистой совестью в центре г. Новозыбкова на Брянщине, где началась партизанская эпопея В., в его честь аллея названа «Аллеей Петровича».

Соч.: Невыдуманные приключения: повести и рассказы. Кишинев, 1960; Люди с чистой совестью. Киев, 1982; Люди с чистой совестью: Записки-воспоминания. М., 1985; Дом родной. М., 1989; Рейд на Сан и Вислу: рассказы. М., 1990; Люди с чистой совестью. Киев, 1990.

Лит.: Воронько П. Человек с чистой совестью // Новый мир. 1963. № 4; Лесс А. Непрочитанные страницы. М., 1966. С. 163–169; Гельфандбейн Г. Генерал и адъютант: Рассказы о писателях. Харьков, 1966. С. 128–134; Роготченко А. Густые гроздья винограда. Киев, 1980. С. 109–113; Дьяков И. Человек с чистой совестью // Огонек. 1985. № 20; Каплунов М. Не пропавший без вести // Нева. 1985. № 6.

В. А. Шошин

ВЕСЁЛЫЙ Артем (настоящее имя Николай Иванович Кочкуров) [17(29).9.1899, Самара — расстр. 8.4.1938, Москва] — прозаик.

Родился в семье волжского крючника, детство прошло в большой нужде; особую роль в воспитании В. сыграла мать. В. окончил начальное Самарское училище, работал на Трубном заводе. В 1917 вступил в партию большевиков; с 1917 по 1919 был агитатором Самарского комитета партии, бойцом Красной гвардии и коммунистической дружины, сотрудником газ. «Приволжская правда», «Знамя коммунизма» (г. Мелекесс) и др. В. начинает приобщаться к лит. работе — одну из первых черновых тетрадей надписывает: «Литературные пеленки». С осени 1917

А. Весёлый

в «Приволжской правде» и в «Рабочей газ.» публикует первые очерки под общим заголовком **«Деревенские впечатления»**, где впервые появились размышления В. о стихийности крестьянского сознания («слепая, но могучая сила»). В сент. 1918 появляются очерки о военных событиях — **«Сильнее смерти»**, **«На Чехословацком фронте»**, **«Не видать Колчаку Самары, как своих ушей»** и др., отличающиеся не только уверенным политическим пафосом, но и ярким лирическим началом. Публицистика становится в это время у В. основным жанром; накопленный здесь документальный материал был позднее использован в эпопее **«Россия, кровью умытая»**, в др. худож. произведениях. Так, очерк **«Братья Рулевы»** лег в основу рассказа **«Первая получка»** (1922), а монолог крестьянина из очерка **«Возращение с фронта»**: «Всю Расею не заберут... Расея, она оборотать себя не даст» — появится в романе **«Россия, кровью умытая»**.

Публикации этих лет выходили за подписью «Н. Кочуров», иногда появлялся псевдоним «Невеселый», отталкиваясь от которого и возник псевдоним «Артем Веселый».

В 1919 В. отправляется рядовым бойцом на Южный фронт на борьбу с Деникиным. Но вскоре по поручению губернского изд-ва он приступает к организации местной газ. в уездном г. Ефремове Тульской губ. — «Красный пахарь». Затем В. работает в тульской газ. «Коммунар». В это время в печати появляются статьи В. — **«Красный и белый террор»**, **«Смерть белым шпионам!»** и др., а также рассказы **«Черные дни»**, **«Под красным стягом»**.

В марте 1920 В. был назначен политработником в агитационно-инструкторский поезд «Красный казак»; после объезда наиболее крупных южных казачьих станиц через Новочеркасск и Курск поезд прибыл в Москву. Маршруты В. — бойца Красной гвардии, политработника, публициста — позволили накопить большой исторический материал, личные впечатления о жизни России в 1917–20. Позднее В. вспоминал: «...на перегоне от Тихорецкой к Екатеринодару выглянул из окна... На фоне разгорающейся зари, в тучах багровеющей пыли двигалось войско казачье — донцы и кубанцы — тысяч десять... Считанные секунды — и поезд пролетел, но образ грандиозной книги о гражданской войне во весь рост встал в моем сознании» (Избранные произведения. С. 642). В начале 1920-х В. — в Москве, был слушателем Лит.-худож. ин-та им. В. Брюсова, посту-

пил в Московский ун-т, но учебу прерывает и отправляется служить на Черноморский флот до осени 1922.

После очерковых опытов и первых рассказов В. (впервые под псевдонимом «Артем Веселый») пишет пьесы **«Мы»** и **«Разрыв-трава»** (1921) и вплотную приступает к созданию первых крупных повестей **«Реки огненные»** (1923), **«Дикое сердце»** (1924) и романа **«Страна родная»** (1924–25). В повести «Реки огненные» речь идет о судьбе двух молодых людей, стихийных участников революционного движения, стихийных — до необузданности, до неумного озорства, которым «реки огненные» по колено. Жаргонная речь, развязное поведение, взятая от имени революции власть над всем, что встречается на пути, — эти черты поведения героев были воссозданы колоритно, писатель словно бы представлял полную свободу самоволия, безрассудству героев. Критика упрекала В. в том, что он воспевает стихийную силу масс, не показывает организующую роль революционных событий. По-видимому, подчиняясь этим требованиям, в последующих изд. повести В. стремился укротить своих героев, в сценах появления героев на военном крейсере им, «оторвышам разинским», противопоставлена «молодая команда, выстроенная на палубе»; «жизненная сила военмор-комсомольцев смыкается с преобразующей волей молодого государства» (Скобелев В. Артем Веселый. С. 62).

О стихийном, «диком сердце» шла речь и во второй повести, которая по общему сюжетному рисунку была сходна с произведениями Б. Лавренева («Ветер», «Сорок первый»), А. Неверова («Андрон Непутевый») и др. Импульсивный («дикий»), отважный Илько спасает от разъяренной толпы девушку, в которую влюблен; но когда в другой раз он был готов сдать белогвардейской разведке, лишь бы спасти свою любимую от группового насилия, то героиня из классового принципа убивает Илько, не испытывая при этом никаких переживаний (вот оно — по-настоящему «дикое» сердце). Ворвавшаяся на страницы повести вольница, «митинговая масса», поднятая от земли, от станка революцией, была свободна в своем волеизъявлении. Произведения В. буквально гудели от ветра, от гула истории: «Шумели, плескались реки огненные... Шумела сила тягловая... Дымились сердца косматые... Цвела земля волнами гудливыми». Немалую роль при этом играли широко используемые писателем фольклорные элементы (В. был известен и как собиратель фольклора; записанные им на

Средней Волге в 1933–35 частушки были изданы в книге **«Частушки колхозных деревень»** (М., 1936). В объяснении особенностей красок и ритма прозы В. историки литературы называли и явление «музыкальной прозы», и традиции Гоголя, и идею «карнавальнойности» (по М. Бахтину).

В 1926 вышел из печати роман **«Страна родная»** (позднее текст романа вольется в эпопею «Россия, кровью умытая»). Действие романа разворачивается в некоем поволжском г. Клюквине в годы революции и Гражданской войны; уездная и крестьянская жизнь волею революции освобождается от векового запустения. В. показал это высвобождение сложным, противоречивым. Несмотря на то что в Клюквине купеческие магазины были «лихо перечеркнуты красными вывесками», а по «большакам и проселкам», «как на пожар, поскакали инструктора... чекисты... курьеры... и бравая уездная милиция», жизнь не подчинялась упорядочению: «Город подмял деревню, соломенная сила рухнула, и восстанцы, бросая по дорогам вилы, пики, ружья, на все стороны бежали, скакали и ползли, страшные и дикие, как с Мамаева побоища... Страна родная... Дым, огонь — конца-краю нет!..»

Концепция русской вольницы, развернутая в первых произведениях В., нуждалась в более глубоком осмыслении. Писатель обращается к XVI в., к событиям, которые были связаны с присоединением к России Западной Сибири, к восстанию Ермака — появляется роман **«Гуляй, Волга»** (1932). Хотя в романе над всем происходящим царит образ многоводной, мощной Волги как воплощение мощи народной жизни («...как большая веселая жизнь, бежала Волга...»), ее волны напоминали «пирующих победителей какой-то несметной орды»), несчастье затопляло берега русской жизни: «В страхе и трепете, подплыв кровью, лежала земля русская».

И все же взор писателя не мог уйти от событий XX в. Одновременно с работой над романом «Гуляй, Волга» у В. сложился замысел эпического полотна — «Россия, кровью умытая» (частично — 1927–29, полностью — 1932). Роман вышел в свет как начальная часть масштабного повествования и получил заголовок «Россия, кровью умытая. Роман. Фрагмент»; еще более красноречивым был заголовок при первой публикации: «Россия, кровью умытая. Роман на два крыла. Крыло первое» (Недра: Лит.-худож. сборник. Кн. 10. М., 1927). Романное действие начинается с 1916, с последнего этапа Первой мировой войны. Поднялась стихийная вольница

против старого мира, замучившего народ страданиями (роман «Гуляй, Волга» лишь подчеркивал неизбывность этих страданий). События разворачиваются быстро, в орбиту повествования энергично включаются Турецкий фронт, Северный Кавказ, Заволжье, растет количество действующих лиц. В центре — рядовой Максим Кужель и командир партизанской бригады Иван Черноярлов; писатель стремился понять место и роль своих героев в неслыханном по масштабам водовороте событий. По мнению большинства историков литературы, в романе В. «жизнь, сохраняя элементы карнавальной взбаламученности, испытывая тяжелейшие потрясения классовой борьбы, приобретает вместе с тем известную завершенность — начинают вырисовываться будничные очертания новой послереволюционной государственности» (Скобелев В. Артем Веселый. С. 173). Но по прошествии времени следует отметить, что В. все же не выпрямлял происходящее идеей исторического оптимизма. Завершая повествование, писатель возвращал события как бы к первоначальному отсчету; в финале появляются (хотя и несколько скорректированные) строки из романа «Страна родная» о разгромленных крестьянах-«восстанцах»: «Страна родная... Дым, огонь — конца-краю нет!» То есть нет конца кровопролитиям России, вступившей на путь гражданской войны.

По-видимому, этот «открытый» финал в силу разных причин (в т. ч. и политического свойства) доставлял беспокойство автору. В 1933 В. разрабатывает план существенной доработки романа; расширилось место действия (Крым, Урал, Закавказье, Сибирь), получала развитие тема партийности (Ленин, декреты, Коминтерн) и др. В изд. 1935 появились некоторые изменения в тексте главы «Смертию смерть поправ» и др. (см. об этом: А-л Б. У Артема Веселого // Книжные новости. 1936. 10 янв. № 1). Современники свидетельствовали, что В. читал отрывки из нового романа, где Максим Кужель становится председателем колхоза.

Но намерения В. не были осуществлены. В 1937 он был репрессирован, погиб в заключении.

Соч.: Избранные произведения. М., 1958; Избранное: проза / сост. А. И. Хватов. Л., 1983; Россия, кровью умытая. Гуляй, Волга / послесл. З. А. Веселой. М., 1970; Россия, кровью умытая. М., 1990; Избранное: романы, рассказы, очерки, стихотворения в прозе. М., 1990.

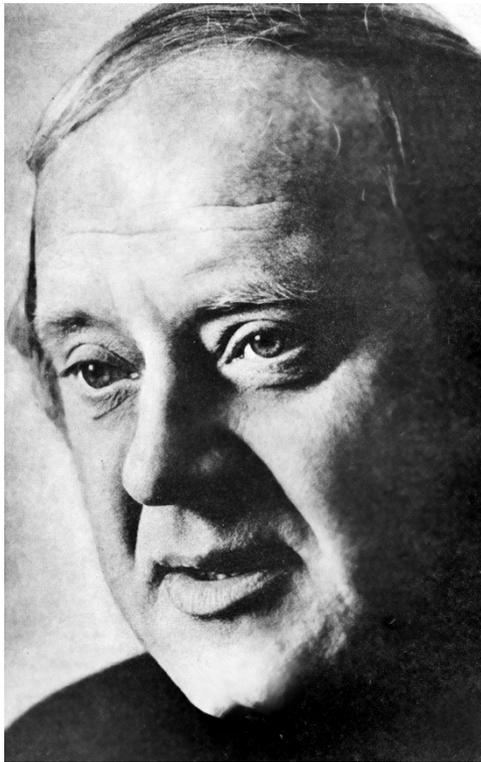
Лит.: Артем Веселый: сб. критических статей. М., 1931; Чарный М. Б. Артем Веселый: Критико-биографический очерк. М., 1960; Минско-Орловская О. Артем

Веселый // Волга. 1960. № 2; Скобелев В. Артем Веселый: Очерк жизни и творчества. Куйбышев, 1974; Либединский Ю. Избранные произведения: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 340–349; Веселая Г. Артем Веселый и книга // Альм. библиофила. М., 1982. Вып. 13. С. 68–83; Хватов А. Артем Веселый: Страницы творческой биографии писателя // Веселый А. Избранная проза. Л., 1983; Веселая З. Молодой Артем: Об А. Веселом // Хронограф-89: сб. М., 1989. С. 258–265; Скобелев В. Слово далекое и близкое. Самара, 1991. С. 260–279.

Н. А. Грознова

ВИЗБОР Юрий Иосифович [20.6.1934, Москва — 17.9.1984, Москва] — поэт, прозаик, журналист.

Отец В. литовец Иозас Ионасович (Иосиф Иванович) Визборас, моряк, затем военнослужащий, был репрессирован; реабилитирован посмертно в 1958. Мать Мария Григорьевна Шевченко родилась в Краснодаре, где в детстве неоднократно бывал и В., сохранивший память о природе и народных песнях Юга России. После ареста отца мать, медик по образованию, поехала вместе с В. в Хабаровск в надежде улучшить материальное положение семьи; впечатления от поездки и не-

Ю. И. Визбор

долгого пребывания на Дальнем Востоке, вероятно, пробудили интерес В. к далеким краям и страсть к путешествиям, которые стали частью его жизни и источником творчества.

Москва военной поры и первого послевоенного десятилетия воспринималась В. как событийно богатая, эмоционально яркая жизненная среда; она с детских лет интенсивно формировала его мироощущение и впоследствии питала его поэзию. В. жил в районе Петровского парка, близ Академии им. Жуковского, затем семья переехала на Сретенку в Панкратьевский переулок (что возле Большой Сухаревки), а позже — на Новопесчаную улицу, за Ходынской. В этой городской среде, социально разнородной и подвижной, главное значение приобретало то ближайшее устойчивое сообщество (включающее прежде всего подростков и отчасти взрослых), которое объединяется понятием «московский двор». Двор, особенно для мальчика, значил подчас больше, чем дом, влиял сильнее, чем семья. На этой открытой сцене впервые опознавались и опробовались подростком социальные роли, складывались моральные представления, поведенческие установки, разыгрывались первые драмы чувств. Отсюда начиналось освоивание Москвы как личного, а затем и как общего исторического пространства (сравни арбатские дворы и московские маршруты в творчестве Б. Ш. Окуджавы, Благошу у М. Л. Анчарова и др.). Детство и юность В. тем теснее были связаны с двором, что тяжелый характер отчима отталкивал его от дома — в эти годы В. «фактически только ночевал в своей квартире» (Я сердце оставил в синих горах. С. 15). Впоследствии двор будет точкой отсчета в лирической ретроспективе В.: «Я врываю в мой сретенский двор, / Словно в порт, из которого вышел» («Сретенский двор», 1970). Здесь встречает его «на войну опоздавшая юность», здесь охватывает ностальгия по детству: «Ах, вернуть бы мне те корабли / С парусами в косую линейку» (Там же). Отсюда же берет свое начало путь «нашего поколения» с его героикой и драматизмом: «Отставить крики! Тихо, Сретенка, не плачь! / Мы стали все твоею общою судьбой» («Волейбол на Сретенке», 1983).

Кроме игры, спорта, противостояния «чужим» дворам, важным моментом в жизни дворового сообщества в ту пору было исполнение под гитару песен, отчасти унаследованных от предвоенных и военных лет, отчасти создававшихся в низовой городской среде. Гитара, третируемая в официальной культуре, стала инструментом для «своего круга»,